

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Семенов

Гражданское общество и публичная сфера

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Semenov_56.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Гражданское общество и публичная сфера*

*Андрей Семенов,
старший преподаватель Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета*

Концепт «гражданское общество» как часть дискурса политических и социальных наук в России оказался в парадоксальной ситуации: с одной стороны, он в достаточной мере востребован как научным сообществом, так и отдельными политическими акторами: государством, использующим это понятие для официального наименования организаций, призванных выступать от имени «гражданского общества»; оппозицией, подразумевающей под ним «несогласных» с политикой правящей элиты; экспертами, для которых «гражданское общество» — объект осознанного конструирования. С другой стороны, суждения по данной проблеме зачастую сводятся к полному отрицанию реальности гражданского общества в России со ссылками на европейское его происхождение и особенности национальной культуры. «Нечувствительность» понятия к российской реальности отчасти может быть объяснена непроясненностью взаимосвязей концепта «гражданское общество» со смежными: так, зачастую этот феномен сводят исключительно к активности некоммерческого сектора, тогда как последняя может иметь и псевдо- или даже антигражданскую направленность. Адекватная концептуализация понятия связана с помещением его в контекст других понятий и терминов, так как политические феномены являются следствием множества логик и процессов**.

Мне в этой связи представляется важным термин «публичная сфера», с помощью которого можно прояснить концепт «гражданское общество». Поэтому упомяну вначале тех исследователей, которые уже обращались к этой проблеме. И прежде всего Ю. Хабермаса, основоположника концепции, который свой анализ публичной сферы начинает с исследования развития раннебуржуазного обще-

---

* *Вестник Пермского университета, 2010, № 4 (12). — С. 5–16. Печатается с незначительными сокращениями.*

** См.: *Вобликов В.Ю. Основные направления реконструкции понятия «гражданское общество» во второй половине XX — начале XXI века: теоретические подходы / В.Ю. Вобликов [Электронный ресурс]. URL: http://www.inelros.ru/readroom/credo_new/2-2009/3939-osnovnye-napravlenija-rekonstrukcii.html (дата обращения 05.09.2008)*

ства и его «гражданских» форм в политике*. Историческая взаимосвязь гражданского общества и публичной сферы интересует также британского исследователя Д. Кина**. Связь категорий «публичного» и «гражданского» в сопоставлении концепций Х. Арндт и Ю. Хабермаса проясняют авторы одного из наиболее фундаментальных трудов по теории гражданского общества Э. Арато и Д. Коэн***. На необходимость изучения публичной сферы в связи с трансформационными процессами в гражданском обществе России указывают и отечественные ученые: Н. Беляева, Г. Заболотная, Ю. Красин, О. Машинова и др. Цель данной статьи — определить степень комплементарности данных понятий, выяснить, в каких отношениях они находятся.

Известно, что любой концепт — это воплощение практической логики определенных событий. Проблематика гражданского общества как продукта эпохи модерна европейской истории тесно связана с целым рядом процессов, имевших место в Европе XVI—XVII веков, таких как расширение границ знания в результате развития университетского образования и науки; великие географические открытия и колонизация, последствиями которых стали трансформации экономических отношений в нововременной Европе****; Реформация и возникновение протестантизма, подорвавшие традиционный авторитет католической церкви и положившие начало институционализации «свободы совести» как политико-правового механизма защиты прав религиозных меньшинств, отделению церкви от государства и секуляризации; наконец, Просвещение, обозначенное И. Кантом как эпоха «выхода человека из состояния несовершеннолетия» и его способности публично пользоваться собственным умом. Вершина этих процессов — «двойственная» революция конца XVIII века: английская промышленная и политическая революция в США и Франции.

С одной стороны, под воздействием этих процессов начинает меняться характер управления обществом, идеология и стратегии ведущих политических акторов. Новый политический порядок, возникающий после разрушительных европейских войн и волны эпидемий, базируется на представлении о населении как основном политическом ресурсе, что меняет господствующую концепцию суверенитета, который отныне принадлежит «народу», а позже — «государству-нации». С другой стороны, происходят изменения в практиках повседневной политической, общественной, экономической, религиозной жизни: формируются «современные» ценности рационализма, индивидуализма, субъективизма и утилитаризма, что, в свою очередь, радикально меняет традиционные представления о разделении сфер приватное/публичное. Названные новые

* См.: J. Habermas. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. — Cambridge: The MIT-press, 1991.

** Кин Д. *Демократия и гражданское общество*. — М.: Прогресс-Традиция, 2001.

*** Джин Л. Коэн, Эндрю Арато. *Гражданское общество и политическая теория*. — М.: Весь мир, 2003.

**** Ф. Бродель. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 2. Игры обмена*. — М.: Весь мир, 2007; Н. Элиас. *О процессе цивилизации. В 2 т.* — М., 2001.

Пабло Пикассо. Женщина с листом. 1934

нормы и практики были закреплены в конституционных положениях французской и американской революций: свобода, равенство, стремление к счастью, уравновешенные принципами братства и солидарности. В этих условиях и появляется термин «гражданское общество», суть которого в появлении нового субъекта политического процесса и закреплении новых принципов легитимности политической власти: в ограничении произвола официальных властей с помощью права (конституций), дифференциации политических институтов для создания системы взаимного сдерживания, закреплении политических и гражданских прав и свобод человека, то есть создания институтов представительства и публичного контроля за деятельностью власти. Таким образом, первые теории гражданского общества были движимы идеями ограничения до этого фактически безграничной власти традиционных суверенов (абсолютных монархий) во имя частного индивида, и, во-вторых, идеей разума как основы политического порядка. Различные модели осмысления понятия «гражданское общество» по-разному определяют место «публичной сферы». Пользуясь классификацией моделей, предложенной британским ученым Д. Кином, попытаемся «локализовать» феномен публичной сферы в каждой модели. Так как, по мнению Д. Кина, определяющее значение при классификации имеет характер отношения государства и гражданского общества, в европейской политической мысли можно выделить пять таких моделей*:

Модель государства, обеспечивающего безопасность (Ж. Боден, Т. Гоббс, Б. Спиноза);

Модель конституционного государства (Дж. Локк, И. Кант, мыслители шотландского просвещения);

Модель минимального государства (Т. Пейн, манчестерский либерализм);

Модель «всеобщего» государства Г. Гегеля;

Модель самоорганизации ассоциаций гражданского общества (А. де Токвиль, Дж. Ст. Милль).

Первая модель государства, обеспечивающего безопасность, наиболее яркое выражение нашла в трудах Т. Гоббса. Исходное положение: естественным человеческим стремлением является борьба с себе подобными, потому «происхождение больших и продолжительных людских союзов зависит не от взаимного расположения людей, а от взаимного страха»**. В целях обеспечения безопасности создается новое состояние, называемое гражданским обществом («гражданским состоянием»), порядок в котором обеспечивается государством. Область легитимной деятельности государственной власти практически не ограничена: «...суверен является абсолютным представителем всех подданных»***, законы, изданные сувереном не могут быть несправедливыми; любые формы коллективного оспаривания верховной власти (даже большинством и даже в целях сохранения форм жизни, основанных на предписаниях естественного права) запрещены. Госу-

* См.: Д. Кин. *Демократия и гражданское общество*. Гл. 2.

** Т. Гоббс. *Философские основания учения о гражданине*. — М.: АСТ, 2001. — С. 26.

*** Т. Гоббс. *Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского* // Соч. в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1991. — С. 174.

дарству предоставлено монопольное право определять, что необходимо для сохранения или восстановления мира внутри страны и за ее пределами. Никакой другой инстанции, кроме как носителю суверенитета, это право передано быть не может.

В таком гражданском состоянии, где произвол властей был ограничен туманными формулировками «естественных законов», запрещавших лишь «уничтожение жизни», у индивидов (точнее, подданных) сфера частной свободы была весьма ограничена. Согласно Гоббсу, суверен не мог, например, запретить членам общества «покупать, продавать и иным образом заключать договоры друг с другом, выбирать себе местопребывание, пищу, образ жизни»*. То есть были разрешены отношения внутри «частных групп», «частных тел», недостижимых для него. И тем самым государственная, «публичная» власть противостоит частным интересам. Следовательно, модель государства, обеспечивающего безопасность, не оставляла в этом случае места для «публичной сферы» в силу монополии суверена на публичную власть, а также из-за отсутствия в гражданском обществе более генерализованных форм поведения.

Концепция конституционного государства Д. Локка и И. Канта в ряде положений кардинально отличается от гоббсовской. Прежде всего, они выступают против оценки естественного состояния, как состояния тотальной войны индивидов. Локк проводит различия между «общественной жизнью» и «государством», выделяя в качестве основы общества порядок, как достигнутый путем соглашения о совместной жизни, так и «естественную склонность... к общественной жизни и товариществу»**. Естественное состояние — это не состояние вольницы и насилия, ибо большинство индивидов склонны поступать в соответствии с естественными законами. Это положение уже подрывает представление о власти суверена как абсолютной. Конституционное государство — скорее средство исправления несовершенной социальности, а не полное отрицание естественного состояния.

Патриархальная семья, писал Локк, является первоначальной и основной формой естественной солидарности, частной сферой, где власть принадлежит только главе семейства, поэтому предписания государственной власти на нее не распространяются. Как и гражданский порядок, она защищена в первую очередь законами, действие которых носит универсальный характер. Универсальный характер носят и естественные права человека, с которыми должно быть согласовано позитивное право. А гарантом их нерушимости выступает гражданское общество, во власти которого переизбирать законодателей или даже свергать их. При этом локковская идея о разделении общества и государства позволяет дополнительно обосновать право на свержение государственной власти: если в гоббсовской трактовке конец государства означает конец социального, то в либеральной традиции Локка—Канта общество, обладая собственными ресурсами организации, остается даже после исчезновения конституционного строя.

---

* Т. Гоббс. *Левиафан...*, с. 165.

** См.: Д. Локк. *Два трактата о правлении* // Соч. в 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1988.

Именно названное разделение создает предпосылки для концептуального включения «публичной сферы» в ткань гражданского общества, так как, во-первых, формулируется идея контроля и ограничения государственной власти, что неизбежно должно привести к дифференциации частных и публичных интересов. Основной публичный интерес — поддержание конституционного порядка до тех пор, пока он обеспечивает удовлетворение частного. Во-вторых, появляется концепция универсальных естественных прав, которые гарантируют публичную защиту частной жизни и свободы индивидов. Наконец, отделение общества от государства означает появление медиатора между индивидом и государством — собственно гражданского общества. Еще более четкое разделение государства и общества прослеживается в концепции минимального государства Т. Пейна, наиболее полно изложенной им в трактате «Права человека»*.

*Первые теории гражданского общества
были движимы идеями ограничения
фактически безграничной власти
традиционных суверенов (абсолютных
монархий) во имя частного индивида, и,
во-вторых, идеей разума как основы
политического порядка*

В нем государство определяется не как необходимость ради общественной безопасности и даже не как механизм исправления неизбежной ущербности социального, но, скорее, как неизбежное зло, как власть, конституируемая делегированием части полномочий индивидов, которые по своей природе склонны к кооперации и сотрудничеству, но в силу разных причин пока не могут проявить эти качества в полной мере. Развитие и совершенствование гражданского общества как сферы кооперации означает эквивалентное сокращение функций государства, когда свободному обществу, по словам Пейна, соответствует простое правительство, а несвободному — сложное. Врагами же друг другу индивиды становятся в силу избыточной власти государства, и потому деспотизм (воплощение абсолютной власти государства) неизбежно ведет к войнам.

Именно господствующая роль государства вызывает политическое отчуждение и ведет к несправедливому делению общества на классы, что лишает большую часть населения необходимых жизненных ресурсов. Поэтому, подчеркивает Т. Пейн, необходимо сопротивление граждан государственной власти, посягающей на их свободы. Легитимным признается им лишь такое государство, которое руководствуется принципом действительного согласия со стороны управляемых (независимо от их пола и имущественного статуса) и идеями естественного права. Его радикальная теория согласия предполагает значительное расширение круга участников политического процесса, закрепление согласия в конституционном договоре и постоянный контроль за его соблюдением с помощью институтов представительства. Сформированное таким образом государство имеет только обязанности, но не имеет никаких прав.

* См.: T. Paine. *Rights of Man*. — Harmondsworth, 1977.

Причины, которые позволяют гражданскому обществу самоорганизовываться, происходят из естественной склонности людей к кооперации и естественному стремлению к солидарности. «Как только устраняется официальное правительство, начинает действовать общество. Возникает общее объединение, а общий интерес рождает общую безопасность»*. И к тому же, поскольку потребности людей превосходят их индивидуальные способности, это подталкивает их к взаимовыгодному обмену, то есть рыночным отношениям. Способность к самоорганизации, таким образом, понимается, как естественная склонность, стремление и способность. В таком обществе нет места конфликтам, которые возникают вследствие господства государства.

Необходимость развития публичной сферы в теоретических построениях Т. Пейна при этом не оговаривается. По той, видимо, причине, что обществу, движимому идеей изначального согласия относительно собственного «правильного» устройства, нет смысла обсуждать публично вопросы политики. Такого рода «необязательность» политического как принципиально конфликтной сферы характерна для многих постгоббсовских трактовок. Однако конец политического означает в этом случае в определенном смысле и конец социального. Поэтому в отличие от Т. Пейна Г. Гегель в своей концепции «всеобщего государства» критикует позитивное толкование гражданского общества как сферы согласия, имеющей статус «естественной» первозданности.

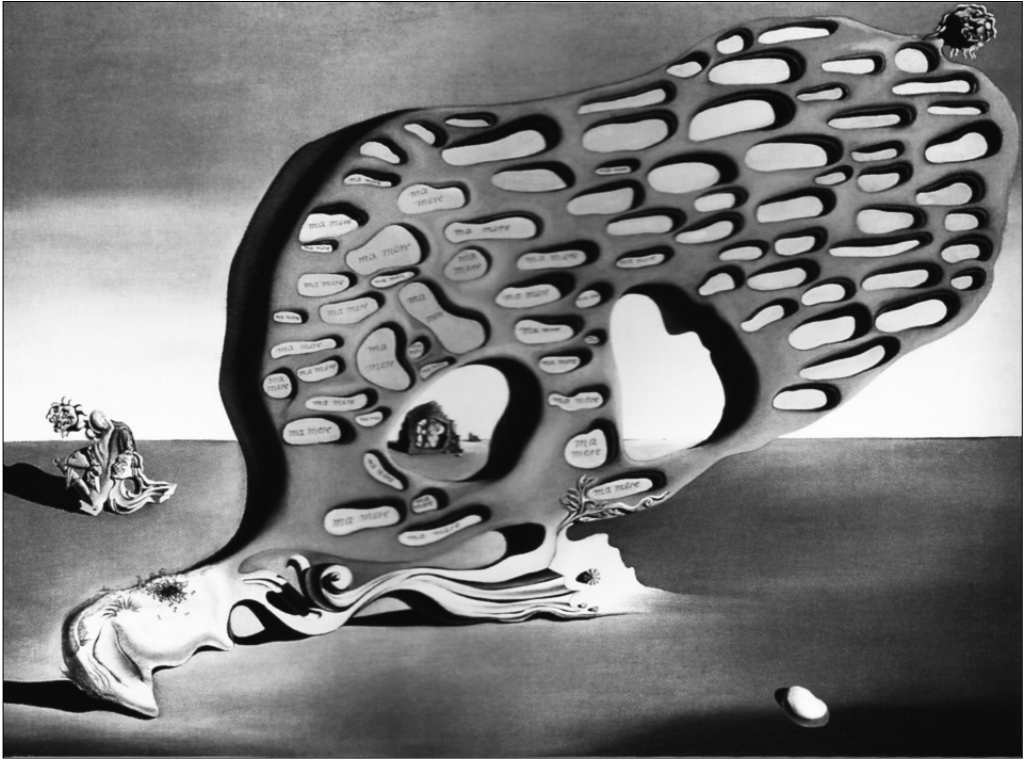
В «Философии права» Гегель четко обозначает свое понимание гражданского общества (*bürgerliche Gesellschaft*) как исторически возникшую в новоевропейской истории реальность, куда включаются экономика, общественные классы и институты безопасности и правопорядка.

Оно располагается им между патриархальной семьей и государством и является воплощением одной из ступеней развития объективного духа — рационально реконструированных структур смысла в институтах права и нравственной жизни (*Sittlichkeit*), которые даны изначально и едины для всех граждан. Но при этом характеризуется непрерывными конфликтами, непредсказуемым развитием, неспособностью преодолеть частную перспективу в определении общего блага. Только государственная власть способна интегрировать разнообразие частных перспектив во всеобщее политическое сообщество. Поэтому вмешательство государства в дела гражданского общества, согласно Гегелю, необходимо как для устранения несправедливости и неравенства, так и для защиты и содействия реализации общих интересов населения, причем право определять эти интересы опять же остается за государством. Таким образом, гражданское общество локализуется и реализует себя в первую очередь в неполитических сферах — экономики и «нравственности». Всеобщее государство «абсолютно разумно», ибо являет собой высший и завершающий момент исторического развития Абсолютного Духа, и его решения не подлежат сомнению и оспариванию. Гегелевская концепция оставляет тем самым мало места для идей гражданского контроля и ограничения государственных полномочий во имя частных интересов индивидов (так как само общество не в состоянии

---

* *Ibid.*, p. 186.

Сальвадор Дали. Загадка желания. 1929

это сделать). Кроме того, внося принцип разделенности гражданского общества, она игнорирует и возможность различных моральных практик. Право публичной деятельности в гражданском обществе Гегеля предоставлено только мужчинам, а понятие «гражданин» эквивалентно понятию «буржуа». Обладающее такими характеристиками «всеобщее государство» фактически не нуждается в публичной сфере. [...]

Последней рассматриваемой в исторической ретроспективе является концепция демократического государства А. де Токвиля, которая в значительной степени раскрывает противоречия в неоднозначной концепции «всеобщего государства» Гегеля. А. де Токвиль утверждает, что главную опасность для современного общества представляет не конфликт частных интересов и порождаемый ими беспорядок (как в модели Гегеля), но новая форма государственного деспотизма, формируемая с помощью института выборов, который претендует на монополию представления интересов общества как целого, по существу, отождествляя государственную власть в виде избранных правителей с гражданским обществом, чьи интересы они должно представлять. «Централизация без труда придает видимость упорядоченности в повседневных делах; при ней можно умело и обстоятельно руководить деятельностью полиции, охраняющей общество, пресекать небольшие беспорядки и незначительные правонарушения; поддерживать общество в некоем статус-кво, что, в сущности, не является ни упадком, ни прогрессом, поддерживать в общественном организме своего рода

административную дремоту, которую правители обычно любят называть “надлежащим порядком” и “общественным спокойствием”»*.

Таким образом, появившиеся в эпоху модерна новые институты, призванные бороться с социальными пороками, по словам де Токвиля, постепенно концентрируют в своих руках всю полноту власти, становясь врагами свободы. И проблема состоит в том, чтобы, сохранив демократический потенциал выравнивания, в то же время не позволить государству узурпировать сферу свобод. Как и Локк, А. де Токвиль не призывает ликвидировать институциональную систему современных государств как таковую, однако считает, что в сложных демократических режимах только сильное государство может обеспечить осуществление общественно значимых целей. Но оно при этом нуждается в ограничениях.

Одним из таких ограничителей является прямое участие граждан в политических процессах по образцу суда присяжных, который способствует их включению в самоуправление и учит, как разумно и справедливо управлять другими**. Во-вторых, на сдерживание государства могут оказывать влияние гражданские ассоциации, находящиеся вне сферы его непосредственного контроля.

Ассоциации, даже занимаясь «незначительными делами», пишет де Токвиль, способствуют укреплению «частных свобод», понимаемых не как преследование узкокорыстных интересов, но как арена осознания индивидами своей включенности в сообщество и его деятельность***.

Эти два токилевских ограничителя могут быть обозначены как «публичная сфера»: если гражданские ассоциации, вовлекая индивидов в совместную деятельность различных сообществ, во-первых, способствуют демаркации частного/публичного в рамках индивидуальной жизни, во-вторых, формируют коллективные идентичности и, в-третьих, способность к совместным действиям, то институты гражданского участия (будь то выборы или суд присяжных) являются собственно ареной публичного обсуждения и принятия коллективных решений. А. де Токвиль разделяет «гражданское» и «политическое» общества. Последнее выступает у него как пространство, где выявляются межгрупповые конфликты и имеют место дискуссии, связанные с осуществлением коллективного выбора, то есть, по существу, оно является публичной сферой. Однако законченной связи между представлениями о «публичной сфере» и гражданским обществом, кроме идеи ограничения государственной власти с помощью некоторых политических институтов, деятельность которых носит «публичный» характер, мы у А. де Токвиля не находим.

Таким образом, анализ ранних концепций гражданского общества показывает, что из трех, обозначенных Д. Коэном составляющих, характерных для них, — «законности (частное право, гражданское, политическое, социальное равенство и право), плюралистичности

* А. де Токвиль. *Демократия в Америке*. — М.: *Весь мир*, 2000. — С. 215.

** Там же, с. 212. Эту же мысль позже будут повторять сторонники плюралистической и делиберативной моделей демократии, для которых только одно лишь участие в выборах не может гарантировать демократичность политического порядка.

*** Там же, с. 385.

(автономности, самоучрежденные добровольные ассоциации) и гласности (пространства коммуникации, участие в общественной жизни, генезис политической воли и социальных норм, их конфликт, выражение и рефлексия о них)* — наибольшее выражение нашли первые два, тогда как последний аспект, напрямую связанный с публичностью и публичной сферой, скорее имел вспомогательное значение. Важность «публичности» как ресурса развития гражданского общества и государства подчеркивается у Гегеля, но как особая арена действия социальных/политических сил она также не выделяется.

Как пишет Д. Кин, появившиеся позднее концепции гражданского общества ликвидировали этот нововременный разрыв социального/политического либо в русле «социализма» (идея об от-

мирании государства и политических институтов, их замена на самоуправляющиеся экономические общины), либо — «этатизма» («государственного социализма», «дирижизма», где роль главной управляющей инстанции отведена государству, национализирующему собственность). Тезис о возможном «слиянии» этих тенденций, характерный как для теоретиков критического, социалистического, либерального, так и консервативного направлений, подкреплялся следующими поставленными в теоретическую повестку дня процессами: государственное вмешательство в капиталистическую экономику (Дж. Кейнс, Ф. Шмиттер), присвоение частными корпорациями публичных, властных функций (О. Киркхаймер), олигархизация партий (М. Острогорский, Р. Михельс), упадок интимной (частной) сферы семьи и социального (Х. Арендт, М. Хоркхаймер), упадок литературной «публичной сферы», становление массовой культуры, культуры как индустрии (Т. Адорно, Ю. Хабермас), потребление, стандартизация услуг и как следствие — упадок частного индивида (Х. Ортега-и-Гассет, Франкфуртская школа социальных исследований, в частности — Г. Маркузе), трансформация публичной политики в сторону большей закрытости, ослабление гражданского контроля, легитимация политического порядка через системную эффективность (Ж.-Ф. Лиотар), появление новых, «неявных» форм власти, таких как идеология (Р. Барт) или дисциплинарная власть (М. Фуко), исчезновение в либеральной демократии самой сферы политического (К. Шмитт, Л. Штраусс). Новые социальные, экономические и политические отношения, возникшие в XX веке, привели к эрозии основных институтов эпохи модерна, обеспечивавших автономию гражданского общества, и далее к упадку и колонизации «жизненного мира» индивида силами рынка и бюрократии (Ю. Хабермас).

Интерес к гражданскому обществу возрос после начала трансформаций в странах советского блока, рассматриваемых как механизм

*Публичная сфера выступает
продолжением гражданского общества как
арена участия в государственных делах
(но не только) и как форма контроля
над государственными институтами*

---

* J. Cohen. *Class and Civil Society: The Limits of Marxian Critical Theory*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1982. — P. 225.

запуска демократизации. При этом эмпирической и эвристической базой расширения контекста исследований в этой области был опыт гражданского сопротивления авторитарным режимам. Так термин «гражданское общество» вошел и в российскую политическую науку, где пользуется немалой популярностью как у исследователей, так и у некоммерческого сектора и даже официальной власти при обсуждении таких вопросов, как расширение возможностей гражданского общества с помощью современных информационных технологий («электронная демократия» и «электронное правительство», блоги и т. д.); роль и значение «социального капитала» в гражданском обществе (ресурсов доверия, солидарности и коллективной идентичности); проблема нового вида управления как «руководства без правительства»; наконец, возможности становления глобального гражданского общества. Практически все эти направления, наряду с классическими, включены сегодня в российский научный дискурс.

Подводя итоги анализа концепта «публичная сфера» в перспективе различных традиций осмысления гражданского общества, можно заключить, что в классических моделях его взаимодействия с государством не было последовательной теории публичной сферы, однако в них можно выделить отдельные элементы. Во-первых, они подразумевают наличие конкретных частных интересов (понимаемых негативно у Т. Гоббса, позитивно у Т. Пейна и Д. Локка и амбивалентно у Г. Гегеля и А. де Токвиля), которые либо требуют защиты со стороны других и государства, либо являются необходимой основой для общественного согласия. Во-вторых, публичное в вышеописанных моделях выступает скорее как продолжение социального (как разновидность гражданского контроля либо как способ участия), нежели политического. В-третьих, публичная жизнь связана с позитивным правом, но к нему не сводится, потому что право в виде законов устанавливается государством. В-четвертых, публичность является побочным продуктом разделения в нововременной мысли социального и политического, их отождествление ведет к исчезновению публичного.

Кроме того, анализ классических моделей через призму концепта «публичная сфера» позволяет обозначить некоторые структурные элементы гражданского общества через отрицание их наличия в публичной сфере. Последняя не может быть, во-первых, только сферой «частной жизни», основой которой является семья. Во-вторых, государством, и здесь идея «публичной политики» не должна вводить в заблуждение: публичная сфера выступает продолжением гражданского общества как арена участия в государственных делах (но не только) и как форма контроля над государственными институтами. Публичная политика является областью взаимоотношений государства и гражданского общества во всем многообразии трактовок последнего, а публичная сфера — коммуникативной средой, наполненной институтами и организациями, созданными для обсуждения публичной политики. Наконец, публичная сфера является рынком, областью экономических обменов, и рыночные отношения тоже могут быть предметом обсуждения в публичной сфере. Таким образом, концепция публичной сферы позволяет не только прояснить важнейшие противоречия категории «гражданское общество», но и сама существует только как комплементарный ей термин.